

Литература

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
2. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
3. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002.
4. Кривонос А. Т. «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношения языка и мышления // Вопросы языкознания. 1986. № 6.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.
6. Попова Е. А. К проблеме определения текста // Исследования по русскому и общему языкознанию. Липецк, 2000.
7. Попова Е. А. Активно развивающиеся и формирующиеся направления в отечественной лингвистике конца XX века // Щеулин В. В. Краткое изложение истории и теории языкознания. Книга вторая. Липецк, 2000.
8. Попова Е. А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. 2002. № 3.
9. Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. Минск, 1996.
10. Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3.
11. Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

УДК 81-114.4

*В. Ю. Арбузова (Липецк, Россия)
Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Феномен семиосферы – прецедентные тексты

В мировой культуре есть прецедентные тексты, составляющие «бессмертный» запас семиосферы. Наряду с натуральным и вторичным способами существования прецедентных текстов присутствует семиотический, который представляет собой намек, отсылку к оригиналу, но тем самым дает возможность включения в процесс коммуникации всего текста или ситуации его создания, представляющей собой более крупное жизненное событие.

Ключевые слова: семиосфера, прецедентные тексты, интертекстуальность, антропологическая парадигма, языковая личность

Центральное место в антропологической парадигме лингвистики занимает изучение текста. Понятия человека разумного и языка связаны необходимой составляющей реализации языка как средства общения и человека как субъекта, инициатора коммуникации. Этим продуктом и средством коммуникации явля-

ется текст. Большую часть своих знаний о мире во всем многообразии его проявлений человек черпает не из личного опыта, а из текстов. Посредством текстов, особенно письменных, знания передаются из поколения в поколение, от одного лица другому, вне времени и пространства, обогащаясь при каждом обращении к тексту. Существуют тексты, значимые для многих поколений людей. Эти смыслоносущие элементы дискурса как всей нации, так и отдельной социальной группы, вплоть до отдельной языковой личности, называются прецедентными текстами (от лат. «прецедент» – случай, имевший ранее место и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода).

Термин «прецедентный текст» был введен в науку о языке Ю. Н. Карауловым, вслед за которым мы называем прецедентными тексты, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216].

Прецедентные тексты образуют общечеловеческую культуру (семиосферу), которая сама может рассматриваться как один большой текст.

Культура – «это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию “текстов в текстах” и образующий сложное переплетение текстов. Поскольку само слово “текст” включает в себя этимологию переплетения, мы можем сказать, что таким толкованием мы возвращаем понятию “текст” его исходное значение» [6, с. 72].

Рассмотрением взаимоотношения текстов в одном тексте, влияния их друг на друга, на создателя и реципиента занимались многие ученые: М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, А. К. Жолковский, А. Е. Супрун, В. В. Красных, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова и др. Так, М. М. Бахтин утверждал, что «текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу. <...> За этим контактом контакт личностей, а не вещей. <...> В произведение входит и необходимый внетекстовый контекст его. Произведение как бы окутано музыкой интонационно-ценностного контекста, в котором оно понимается и оценивается... Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами... и переосмысление в новом контексте (в моем, в современном, в будущем)» [1, с. 384, 385, 390]. «И главное в этой игре чужим словом (чужим текстом. – В. А.) – усиление смысловой насыщенности текста, вхождение в общий контекст соответствующей культуры» [2, с. 155]. Прецедентный текст выступает как «целостный знак, отсылающий к тексту-источнику и представляющий его по принципу “часть вместо целого”. Вместе с тем... наблюдаем процесс превращения, “переплавки” цитаты – “чужого” и одновременно общего, общеизвестного – в

“свое” и уникальное» [7, с. 73]. Наука о языке рассматривает строение текста, пересекающегося с другим текстом, приобретающего новые смыслы и интерпретации, взаимодействие текстов в тексте и их восприятие языковой личностью. Более того, знание текстов, составляющих основу семиосферы, свидетельствует о принадлежности человека к социально-культурной группе, своей нации, эпохе и является показателем высокой речевой и общей культуры. «Корпус прецедентных текстов... отражает и формирует шкалу ценностных ориентаций национально-лингво-культурного сообщества, модели социального поведения, которые в этом сообществе поощряются / осуждаются. <...> Корпус прецедентных текстов принадлежит своего рода метауровню, к которому обращается при восприятии и порождении текста практически любой носитель культуры. Они во многом задают границы и основные векторы развития национального культурного пространства... Без знания этих текстов невозможно сколько-нибудь адекватное и полноценное понимание не только текстов той или иной культуры, обнаружение их интертекстуальных связей, но и понимание самой культуры» [11, с. 29].

В мировой культуре есть прецедентные тексты, составляющие «бессмертный» запас семиосферы. Обращение к таким текстам осуществляется в течение многих веков. Это прежде всего Библия, произведения Данте, Сервантеса, Шекспира, Гете, а также молитвы и фольклорные шедевры: мифы, народные песни, сказки, былины и др. «Хрестоматийность и общеизвестность прецедентных текстов обуславливает и такое их свойство, как реинтерпретируемость: как правило, они перешагивают рамки словесного искусства, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусств (драматическом спектакле... опере, балете, живописи, скульптуре), становясь тем самым фактом культуры в широком смысле слова и получая интерпретацию у новых и новых поколений» [4, с. 217].

Условно прецедентные тексты можно разделить на три группы: 1) универсально-прецедентные – значимые для носителей нескольких языков и культур (прежде всего это священные книги: Библия, Коран, Талмуд); 2) национально-прецедентные – значимые для той или иной нации (для русских это произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Грибоедова, Л. Толстого, Тургенева, Достоевского, Чехова и др.); 3) профессионально-прецедентные – значимые для представителей той или иной специальности (так, для филологов к числу текстов этой группы нужно отнести труды В. В. Виноградова, М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, Н. С. Трубецкого и др.). Но границы эти условны, так как языковая личность, использующая прецедентный текст для построения своего текста, обращается ко всем группам. Вообще русской культуре, а русской литературе в частности, «свойственна всемирная отзывчивость», которая, по словам Ф. М. Достоевского, заключается в том, что именно у нас «засияли идеи всемирные, отрази-

лись поэтические образы других народов и воплотились их гении» [3, с. 176]. Например, «новую жизнь в произведениях русских писателей получили герои Шекспира, о чем говорят такие названия: «Гамлет Щигровского уезда», «Степной король Лир» И. С. Тургенева, «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова. Почти два столетия насчитывает история русского гамлетизма, образ Гамлета стал одним из «вечных спутников» русского культурного человека. Если в XIX веке гамлетовские типы появлялись преимущественно в прозе и драматургии (в произведениях А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, В. М. Гаршина, А. П. Чехова), то в XX веке они «перекочевали» в поэзию (это стихотворения А. Блока «Я – Гамлет. Холодеет кровь...», Б. Пастернака «Гамлет», А. Ахматовой «Читая “Гамлета”», М. Цветаевой «Диалог Гамлета с совестью», «Офелия – Гамлету», «Офелия – в защиту королевы», В. Высоцкого «Мой Гамлет» и др.)» [9, с. 78, 79].

Выделяют несколько способов существования и функционирования прецедентных текстов: 1) натуральный способ, при котором «текст... в первоначальном виде доходит до читателя или слушателя как прямой объект восприятия, понимания, переживания, рефлексии»; 2) вторичный способ, который «предполагает либо трансформацию текста в иной вид искусства... либо вторичные размышления по поводу исходного текста, представленные в критических и литературоведческих (искусствоведческих) статьях, рецензиях, исследованиях»; 3) семиотический, «когда обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные его фрагменты» [4, с. 217].

Основным способом бытия прецедентных текстов является последний, так как такие тексты не могут быть включены полностью в другой текст из-за своего большого объема. В таком включении часто нет необходимости, так как прецедентные тексты общеизвестны, хрестоматийны в силу своей принадлежности к национально-культурному наследию.

Прецедентные тексты являются обязательным элементом всех видов коммуникации: литературной, естественной, научной, эпистолярной и др. Но особое место они занимают в литературной коммуникации. «Литературная коммуникация, как и всякая межличностная коммуникация, – это всегда диалог, взаимодействие *я* и *другого*, которые на внешнетекстовом уровне представлены как автор и читатель, на внутритекстовом (нарративном) – как повествователь и персонаж, на интертекстуальном – как два автора, один из которых является читателем другого, т. е. использует компонент содержательной структуры чужого текста (интертекстему) при создании своего» [8, с. 7]. Авторы художественных произведений – избранные, наделенные особым творческим даром, особой властью над языком, поэтому созданные ими тексты являются не просто посредниками в акте литературной коммуникации между авто-

ром и читателями, а равноправными «собеседниками», обладающими высокой степенью автономности. Эффект «собеседника» во многом создается благодаря введению в свой текст «чужих» текстов. Именно прецедентные тексты обогащают и расширяют рамки литературного произведения, подключают данный текст к диалогу. Употребление прецедентных текстов реализует процесс экфори (термин Н. А. Рубакина) – оживления накопленного опыта по одной детали. Кроме того, «круг читаемых и изучаемых текстов оказывает большое влияние на формирование личности. В процессе чтения мы не просто воспринимаем тексты. Их фрагменты присваиваются личностью, перерабатываемые слова и словосочетания формируют лексикон. Количество и качество прочитанных текстов непосредственно отражаются на тех речевых произведениях, которые создает носитель языка в разных сферах общения», так как «свойства создаваемых речевых произведений зависят от свойств регулярно перерабатываемых текстов, представляют собой результат их переработки» [10, с. 10]. М. М. Бахтин писал о том, что «индивидуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями» [10, с. 10]. Умение распознавать, воспринимать чужие тексты и способность создавать свои зависит от речевой культуры человека. Под речевой культурой понимается «часть культуры народа, связанная с использованием языка. В нее включается сам язык, его этническая специфика, функциональные и социальные разновидности, воплощенные в устной и письменной форме. Кроме того, в нее входят и этнические особенности языковой картины мира, и сформировавшиеся обычаи и правила поведения (в том числе использование невербальных средств), совокупность текстов на данном языке» [12, с. 343].

Выделяют несколько типов речевой культуры: элитарный (с двумя разновидностями – полнофункциональным и неполнофункциональным типами), среднелитературный, литературно-жаргонизирующий, обиходный. Разделение на типы основано на комплексе признаков: лингвистических, поведенческих, общекультурных. К числу последних относится характер используемых личностью прецедентных текстов. Полнофункциональный тип характерен для людей с самым высоким уровнем общей культуры. Для носителей этого типа речевой культуры эталоном речи и прецедентными текстами служат тексты классической художественной литературы и образцовые тексты других видов речи. Неполнофункциональный тип близок к полнофункциональному и характерен для людей все же высокой культуры, хотя и менее высокой, чем у носителей полнофункционального типа. Их прецедентными текстами являются не только тексты классической литературы, но и тексты СМИ, тексты «полухудожественных» произведений. Среднелитературный тип характеризует большинство населения со средним образованием, встречается и у людей с высшим образованием. Прецедентными текстами для носителей среднелитера-

турного типа являются СМИ и псевдохудожественная литература, отражающая этот же тип.

Литературно-жаргонизирующий тип сформирован СМИ. Его носители, ориентируясь на речь СМИ, широко используют в экспрессивных целях и жаргонизмы, и любую сниженную лексику, считая, что так надо говорить и писать. Для обиходного типа речевой культуры прецедентными текстами служит только домашняя, уличная речь и реклама, «впечатывающаяся» в подсознание из-за назойливого ее повторения [12, с. 343–346].

Общекультурные знания человека определяются характером прецедентных текстов, используемых им для создания своего текста, стремлением к пополнению знаний, чтением художественной литературы. Прецедентные тексты являются необходимой составляющей национально-культурного пространства языковой личности, так как это мировое наследство в «свернутом» виде. Знание прецедентных текстов «общеизвестно осознается как необходимый признак образованного, «культурного» человека. Они составляют «костяк фоновых знаний» [5, с. 44], являются признаком элитарной речевой культуры.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
2. Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 20. М., 1999.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
5. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб., 2001.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2001.
7. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999.
8. Попова Е. А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2002.
9. Попова Е. А. Прецедентные тексты русской культуры и их воспитательные возможности // Русский язык как средство духовного воспитания человека. Липецк, 2005.
10. Русский язык и культура речи. М., 2002.
11. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Выпуск первый / под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова. М., 2004.
12. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003.